

УДК 81'373.44

Цынк С. В.

Дмитровградский инженерно-технологический институт

**СОБСТВЕННО ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»**

S. Tsynk

Dimitrovgrad Institute of Industrial Engineering

**PROPER ARCHAIC WORDS IN «TWO HUNDRED YEARS TOGETHER»
BY ALEKSANDR SOLZHENITSYN**

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых собственно лексических архаизмов произведения А.И. Солженицына «Двести лет вместе». В работе исследуется проблема отнесения устаревшей лексики к активному или пассивному словарю – языка и его носителя, языковой личности. В статье выявляются компоненты описания собственно лексических архаизмов как элементов идиостиля писателя; делается вывод о том, что рассмотренные лексемы не только содержанием, но и своей формой позволяют углубить семантику контекста. Мастерское вплетение устаревших слов в ткань произведения автор считает одной из ярких особенностей идиостиля А.И. Солженицына.

Ключевые слова: собственно лексические архаизмы, А.И. Солженицын, активный и пассивный запас языка и носителя языка, функции архаизмов в тексте.

Abstract. In the article, the author analyzes some proper archaisms in «Two hundred years together» by Aleksandr Solzhenitsyn. The research is devoted to the problem of classifying the obsolete words to either active or passive vocabulary — both of the language and its speaker, a lingual personality. The author finds components of description of proper archaic words as elements of the writer's idiosyncrasy. She comes at the conclusion that the named lexical units allow to extend the semantics of the context by not only their meaning, but also by the form. The author of the article considers the masterful interweaving of archaic words into the contexture of the work to be one of the most outstanding characteristics of A. Solzhenitsyn's idiosyncrasy.

Key words: proper archaic words, A. Solzhenitsyn, active and passive vocabulary of a language and its speaker, functions of archaic words in a text.

Устаревшая лексика традиционно относится к периферии словарного состава языка. Несмотря на отнесение к «пассивному пласту лексики», архаизмы активно используются в современной речевой практике, в художественных и публицистических текстах, поскольку в этих словах отразилась и сохранилась историческая и культурная память народа.

При всей значимости устаревших слов в условиях современной социокультурной ситуации, этот языковой ресурс не является ядерным, таким, без использования которого коммуникация окажется невозможной. В свете этого принципиально важной становится проблема отнесения исследуемой лексики к активному или пассивному словарю – языка и его носителя, языковой личности.

Впервые в лексикографическую теорию понятия активного/пассивного запаса языка ввёл Л.В. Щерба [21], разделив словарный состав языка по признаку частоты употребления лексических единиц. Позже данная трактовка неоднократно уточнялась.

Мы относим собственно лексические архаизмы, употреблённые А.И. Солженицыным в историческом очерке «Двести лет вместе», к пассивному запасу современного русского язы-

ка, опираясь на три критерия: хронологический (слово употреблялось в прошлом), стилистический (отнесенность к определённому стилю) и семантический (внутренняя форма как хранитель культурной и исторической памяти народа).

П.Н. Денисов, используя представления о полевой структуре лексической системы языка, предлагает критерий хронологической отнесенности слова.

Исследователь в связи с этим отмечает: «... на современном нам синхронном срезе единая лексическая система русского литературного языка представлена своим существенным для нужд общего и специального общения ядром (актуальной лексикой) и некоторой периферийной зоной, в которую оттесняются от центра устаревающие и устаревшие слова и через которую стремятся пройти ближе к центру новые слова, или неологизмы» [4, с. 105].

Однако трактовка П.Н. Денисова при всей её стройности не может не вызывать возражений. Например, Л.О. Савчук считает, что «... выпадение слов из употребления и появление новых слов в обиходе на фоне «хронологически устойчивой» лексики – это два разнонаправленных и протекающих с разной интенсивностью процесса» [10, с. 9].

М.В. Арапов включал в пассивный запас «часть словарного состава языка, состоящую из лексических единиц, употребление которых ограничено особенностями означаемых ими явлений (названия редких реалий, историзмы, термины, собственные имена) или лексических единиц, известных только части носителей языка (архаизмы, неологизмы), используемых только в отдельных функциональных разновидностях языка (книжная, разговорная и другая стилистически окрашенная лексика)» [1, с. 369]. Таким образом, исследователь выделял стилистический и собственно семантический критерии.

В.Д. Черняк указывает, что «при общности тех процессов, которые характеризуют современную русскую речь, объём и характер лексикона являются индивидуально обуслов-

ленными и определяются многими параметрами личности (возраст, пол, образование, специальность, круг интересов, чтения, знание иностранных языков, место жительства и др.» [20, с. 296]. Именно этими параметрами определяется состав активного и пассивного лексикона конкретной языковой личности. Под пассивным лексиконом в данном случае понимается «совокупность лексических единиц, которые понятны носителю языка, но не употребляются им в спонтанной речи» [1, с. 369]. К пассивному лексикону личности мы склонны относить и так называемый потенциальный словарь – «слова, значений которых носитель языка не знает, но способен их установить, опираясь на внутреннюю форму слова или контекст» [1, с. 369].

Слова, обозначающие понятия, предметы, явления, существующие в настоящее время, называются архаизмами. В зависимости от того, устарева ли всё слово, значение слова, фонетическое оформление слова или отдельная словообразовательная морфема, архаизмы делятся на несколько групп.

Среди них – собственно лексические архаизмы – слова, целиком вышедшие из употребления и перешедшие в пассивный словарный запас, вытесненные синонимами из состава активной лексики.

Описание архаизмов, использованных А.И. Солженицыным в тексте исторического очерка, как элементов идиостиля писателя включает следующие компоненты: а) определение по словарям значения лексической единицы; б) описание словообразовательной модели, по которой построено слово; в) выявление функции устаревшего слова в тексте произведения «Двести лет вместе».

К собственно лексическим архаизмам относится 20 слов: *благорасположенный* (18, т. 1, с. 149), *благорастворенный* (18, т. 1, с. 149), *вождествовать* (3, т. 1, с. 223), *вящий* (14, т. 3, с. 313), *деяться* (11, т. 3, с. 762), *длань* (8, с. 170), *доселе* (8, 178), *заверть* (3, 1, 559), *неотклонимый* (3, т. 2, с. 526), *неукладный* (3, т. 2, с. 540), *оказательство* (11, т. 8, с. 766), *окоснеть* (3, т. 2, с. 667), *охладительно* (11, т. 8,

с. 1752), *переходчивость* (11, т. 9, с. 995), *последственный* (11, т. 17, с. 181), *привременной* (3, т. 3, с. 405), *разительно* (12, т. 3, с. 609), *сонность* (12, т. 4, с. 194), *сметить* (12, т. 4, с. 153), *угрозна* (11, т. 16, с. 272-273).

Рассмотрим некоторые из них. Непроизводное, с точки зрения современного русского языка, слово *длань* – «рука, ладонь» [8, с. 170] – А.И. Солженицын использует в стилистических целях для выражения иронической оценки:

А поток советской культуры год от году всё более попадал под очи и *длани* направительных учреждений [16, с. 269].

Лексема заимствована из церковнославянского языка [9, т. 1, с. 517], она известна читателям по поэтической речи XVIII – XIX веков. Теперь слово воспринимается как поэтизм, а Г.О. Винокур называл подобные слова стилистическими славянизмами [2].

Устаревшее имя существительное женского рода третьего склонения *заверть*, относящееся к продуктивному типу, называет отвлечённое действие [9, с. 223]. В.И. Даль так определяет значение данного слова: «вихрь, крутень, ветер и пыль столбом, круговой; // завируха, метель, вьюга, пурга, буран; водоверть, пучина, суводь» [3, т. 1, с. 559]. Считаем данное слово устаревшим, словом языка XIX века, потому что в словаре В.И. Даля оно употреблено без помет с указанием на область распространения. В «Русском словаре языкового расширения» (далее – РСЯР) автор приводит три значения лексемы *заверть*: 1. Вихрь; 2. метель; 3. водоверть, пучина [17, с. 67]. В говорах встречается вариант слова в иной фонетической огласовке – *завереть* – «вихрь» [13, т. 9, с. 303].

В тексте произведения «Двести лет вместе» имя существительное *заверть* используется в переносном смысле, обозначает политическую реалию. Анализируемое слово употребляется как средство индивидуально-авторской выразительности:

Но уже в 1937 попал в общую *заверть*, в Омской тюрьме...пережил «конвейерные» допросы, порой непрерывно неделями, в иные периоды днём и ночью... [16, с. 302].

Важнейшей характеристикой функционирования устаревшей лексики является «резкое сужение сферы её употребления – ограничение преимущественно рецептивными видами речевой деятельности» [10, с. 9]. Так, введённую в БАС лексему *оказательство*, понимают современные читающие и слушающие. В данном словаре слово характеризуется как устаревшее и имеющее значение «обнаружение, проявление» [11, т. 8, с. 766]. Это существительное с суффиксом *-тельств(о)* построено по продуктивному в различных сферах типу и совмещает в своём значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака со значением существительного как части речи [9, с. 162].

А.И. Солженицын, глубоко проникающий в законы родной речи, стремящийся использовать до предела её возможности, воскрешает устаревшее слово *оказательство*, даёт ему новую жизнь, включая лексическую единицу в РСЯР [17, с. 150] и в текст исторического очерка:

Еврейский автор тех лет, истолковывая эту речь Молотова, как он её понял, ошибочно пишет, будто в ней оратор «от имени правительства» грозил за оказательство «антисемитских чувств» – смертной казнью [16, с. 309].

Хронологической отмеченностью характеризуются такие слова, как *переходчивость* и *сонность*. Данные имена существительные с суффиксом *-ость* относятся к наиболее продуктивному типу образования слов с отвлечённым значением признака, свойства. Указанные лексемы образованы от имён прилагательных «переходчивый» и «сонный», совмещают в себе присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением существительного как части речи [9, с. 177]. *Переходчивость* – «свойство переходчивого; непостоянство, изменчивость» [11, т. 9, с. 995]. *Сонность* – «желание спать, вялость» [12, т. 4, с. 194].

Для автора текста исторического очерка устаревшие слова *переходчивость* и *сонность* стилистически нейтральны, использованы без особой стилистической установки:

1. Пороговую трудность тут Державин видел в постоянной *переходчивости* и неучтённости еврейского населения, вряд ли и шестая часть его учтена по ревизиям [15, с. 52].

2. У русских купцов – застой, *сонность*, монополия (например, после изгнания евреев из Киева жизнь там вздорожала) [15, с. 158].

Начало сложного слова с *благо-* – примета употребления старославянизма.

Имена прилагательные *благорасположенный* и *благорастворенный*, включённые писателем в РСЯР [17, с. 18], с подчинительным отношением основ в качестве опорного компонента имеют страдательные причастия «расположенный» и «растворенный» [9, с. 319]. Компонент *благо-*, предшествующий опорному, в этих словах носит по смыслу уточнительный характер, конкретизирует содержание опорного компонента. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «благо» характеризуется как высокое («добро, благополучие») [8, с. 47]. Устаревшие слова имеют следующие значения: *благорасположенный* – «доброжелательно, сочувственно относящийся к кому-либо; благосклонный» [18, т. 1, с. 149]; *благорастворенный* – «чистый, здоровый (о воздухе, погоде)» [18, т. 1, с. 149].

Анализируемые имена прилагательные вводятся в речь для придания ей торжественности и важности. При этом слово *благорастворенный* используется в переносном, метафорическом значении. Примеры:

1. Не только потому, что кн. Урусов, *благорасположенный* к евреям, тут же сменивший Раабена и контролировавший губернаторский архив, – не обнаружил в нём такого «письма Плевел» [15, с. 334].

2. А – к состязанию с гибкой мыслью и письменностью либеральной и радикальной прессы, столь обязанной в своей энергии и непрерывном развитии сотрудникам-евреям, русские национальные силы, медлительные *благорастворенные* умы, совершенно не были готовы тогда (и уж тем более сегодня) [15, с. 431].

Устаревшая лексика близка к категории так называемых агнонимов. Термин *агнони-*

мы был предложен В.В. Морковкиным и А.В. Морковкиной в их фундаментальной монографии «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» [7] для обозначения слов, неизвестных или малопонятных языковой личности. Так же, как понятия активного/пассивного запаса, понятие агнонимии антропоцентрично по своей природе. Степень агнонимии характеризует языковую способность человека, его индивидуальный внутренний лексикон. Близость устаревшей лексики к категории агнонимов объясняется тем, что «при архаизации слово удаляется из арсенала языковой личности как неактуальное, неадекватное современным коммуникативно-культурным ценностям данного социума» [5, с. 162].

Агнонимом для современных носителей языка является непроизводное имя прилагательное *вящий*. Оно многозначно: 1. Большой по величине, количеству и т. п. // Большой по силе, значению, интенсивности. 2. Старший по положению, главный. 3. В значении существительного. Вящие. Наиболее знатные, богатые. 4. Старший по возрасту. 5. Лучшего качества [14, т. 3, с. 288]. В РСЯР писатель приводит словосочетание «вящие люди», т.е. «знатные, сановные, богатые» [17, с. 48]. Однако в тексте «Двести лет вместе» слово использовано в значении «большой по силе». Данный архаизм делает язык произведения трудно усвояемым:

Отчёт этой комиссии был в 1892 напечатан в материалах Конгресса США – к *вящему* посрамлению России и облегчению еврейской иммиграции в Соединенные Штаты [15, 289].

Вслед за В.И. Далем А.И. Солженицын толкует архаизм *последственный* как «истекающий из причины» [17, с. 192]. Словарь русского языка XI-XVII веков определяет семантику данного слова через синоним – «нижеследующий» [14, т. 17, с. 181]. Лексема построена по непродуктивному типу: имя прилагательное *следственный* + префикс *по-*, имеет значение «совершившийся после того, что названо словом (следствие), которым мо-

тивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» [9, с. 308]. Контекст ярко высвечивает значение архаизма «истекающий из причины»:

Но роковым и взаимно непоправимым ходом *последственных* событий путь евреям к Белой армии оказался перерублен [16, с. 147].

Тип, по которому построено имя прилагательное *привременной* продуктивен, особенно в научной терминологии: *временной* + префикс *при-* [9, с. 309]. Грамматическое значение лексемы – «находящийся в непосредственной близости к тому, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное (время). Архаизм *привременной* близок к границе активного запаса языка, по мнению А.И. Солженицына, так как он включает его в РСЯР [17, с. 197]. В.И. Даль так описывает значение анализируемого слова: «бывающий временно, при, по времени; временный, повременный; временной, преходящий» [3, т. 3, с. 405].

В значении «бывающий при времени» писатель использует архаизм *привременной*, усиливая экспрессию текстов:

1. *Привременным* российским властям это представлялось иначе: евреи впоследствии «могут сделаться полезными хлебопашцами», тогда как «переселившись в мещане, – они умножат собою число городских тунеядцев» [15, с. 81].

2. Приходится рассмотреть *привременные* официальные документы, в данном случае – судебное Обвинительное заключение по големьскому делу, основанное на немедленных полицейских донесениях [15, с. 340].

3. Мы ограничимся лишь кратким обзором наиболее важных постов и имён, появившихся, главным образом, именно в 30-е годы, – по *привременным* газетам, более поздним публикациям и по новейшим еврейским энциклопедиям [16, с. 281].

Активный и пассивный запасы языка во все не совпадают с активным и пассивным лексиконами конкретной языковой личности. В.В. Морковкин справедливо замечает

по этому поводу: «... язык как живая, пульсирующая сущность рассеян в человеках, каждый из которых, не вмещая его в себя полностью, владеет лишь определённым его фрагментом» [6, с. 132].

Устаревшее прилагательное *неукладный* входит в активный словарь А.И. Солженицына. Слово с префиксом *не-* образовано от имени прилагательного *укладный* [3, т. 4, с. 482], построено по высокопродуктивному типу, означает отсутствие признака, названного мотивирующей лексемой [9, с. 307]. В.И. Даль характеризует «*неукладный* товар» как «громоздкий, неудобный для перевозки» [3, т. 2, с. 540]. Писатель переосмысливает данное значение и называет *неукладным* народ, создаёт с помощью данного архаизма образ-символ:

Каждый день мы пылаем стыдом за наш *неукладный* народ [16, с. 474].

Слово языка XIX века *неотклонимый* – «неизбежный, неотразимый, неминуемый, роковой» [3, т. 2, с. 526] – построено префиксальным способом от гипотетического причастия «отклонимый». Тип образования тот же, что и у проанализированного выше слова *неукладный*.

В тексте исторического очерка лексема *неотклонимый* употребляется «на равных правах» с современными единицами, как бы теряя статус устарелости:

1. Вступаю в споры лишь в тех *неотклонимых* случаях, где справедливость покрыта наслоениями неправды [15, с. 6].

2. Столыпин же ясно понимал и несуразность такой обстановки, и *неотклонимое* направление эпохи к уравниванию евреев в правах, уже во многом в России достигнутому [15, с. 434].

Вожествовать – этот архаичный глагол с суффиксом *-ествова-*, мотивирующийся именем существительным старославянского происхождения «вождь», имеет значение «совершать действия, свойственные вождю». Данный словообразовательный тип является в современном русском языке продуктивным [9, с. 343]. Согласно словарю В.И. Даля,

вождествовать, т. е. начальствовать; церковное – посылать, препровождать» [3, т. 1, с. 223].

Употребление в историческом очерке лексемы XIX века *вождествовать* текстуально важно и экспрессивно:

А между тем несомненно, что эти еврейские отщепенцы несколько лет прямо *вождествовали* ... [16, с. 82].

БАС указывает, что непроизводное слово *деяться* является просторечным, областным и устаревшим и имеет значение «делаться, твориться, происходить» [11, т. 3, с. 762]. Лексема восходит к старославянскому *дѣяти* – «делать, говорить» [19, с. 248]. *Деяться* вызывает у читателя ассоциации с хорошо известным, однокоренным, высоким по окраске словом «деяние», поэтому его значение понятно, вполне определено:

И географически их посты тоже успевали сменяться, одни Уполномоченные перемещались на место других (позавидуем тому, кто сумеет указать и граничные временные даты, ведь это всё в тайне *деялось*) [16, с. 293].

Архаизмы, являясь неактуальными для современного функционирования, остаются живыми в силу своей культурной значимости. Такие слова как бы «возрождает» А.И. Солженицын на страницах исторического очерка «Двести лет вместе», способствует их переходу из пассивного запаса в активный. Писатель использует устаревшие слова тогда, когда не находит в современном русском языке слова, которое обозначало бы явление столь же точно, как архаизм. Как писал в письме к нам от 01.09.96. А.И. Солженицын, «эти слова [архаизмы и диалектизмы] я ощущаю как полноправных и неоправданно пренебрежённых участников нашего языка – так губимого ныне» (письмо из личного архива. – С. Ц.). Рассмотренные собственно лексические архаизмы не только содержанием, но и своей формой позволяют углубить семантику контекста. Большинство проанализированных слов построены по продуктивным словообразовательным моделям, что облегчает их восприятие читателем. Мастерское

вплетение устаревших слов в ткань произведения можно считать одной из ярких особенностей идиостиля писателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арапов М.В. Пассивный словарь// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Наследие, 2010. – 232 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 800с; Т. 2. – 784с. Т. 3. – 560с; Т. 4. – 688 с.
4. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Русский язык, 1993. – 248 с.
5. Каданцева Е.Е. Культурологический аспект архаизации лексического состава современного русского языка// Вестник МГУ. – Сер. 19, 2005. – №1. – С. 154-163.
6. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию// Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М.: Наука, 1988. – С. 131-136.
7. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1997. – 414 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.
9. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 783с.
10. Савчук Л.О. Системные отношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного/пассивного запаса): автореф. дисс.... канд. филол. наук. – М., 1996. – 26 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 17т. – М.: Изд-во АН СССР. Т. 3, 1954, – 962с; Т. 8, 1959. – 1013 с. Т. 9, 1960. – 1019 с. Т. 16, 1964. – 1113 с.
12. Словарь русского языка. В 4т. – М.: Русский язык. Т. 3, 1987; Т. 4, 1988. – 794 с.
13. Словарь русских народных говоров. – М.: Наука, 2003. – Вып. 9. – 213 с.
14. Словарь русского языка X–XVIII веков. – М.: Наука. Вып. 3, 1976. – 313с; Вып. 17, 1991. – 273с.
15. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2001. – Т. 1. – 512 с.
16. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2002. – Т. 2. – 552 с.
17. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М.: Голос, 1995. – 272 с.
18. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1934. Т. 1. – 1563 с.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. – 623 с.
20. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач// Русский язык сегодня. Вып. 2. Сборник статей/ РАН. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 280-297.
21. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии// Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.